

ТАТЬЯНА МИРОНОВА

РУССКАЯ ДУША – СПЛАВ ЯЗЫЧЕСТВА И ХРИСТИАНСТВА

Принято считать, что русское мировоззрение, русские устои жизни, наша национальная картина мира сложились лишь с принятием Русью христианства в 988 году, когда князь Владимир Святославич круто свернул с языческой тропы на торную дорожку мировой христианской цивилизации.

Что всегда удивляло историков и богословов в летописной легенде о Крещении Руси, – та лёгкость, с какой вчерашние славяне-язычники восприняли новое учение. О восстаниях против христианских миссионеров, о расправах над монахами и священством бунтующего языческого люда упоминания в источниках крайне редки.

В течение всего одного столетия, начиная с 988 года, на Руси учредили несколько епархий, построили множество храмов, основали ряд монастырей, создали книгописные школы и мастерские в Киеве, Новгороде и Ростове. В чём же кроется причина столь безоглядного отказа от отеческой традиции сильного, упорного в достижении своих целей народа? Рискну утверждать, что никто не навязывал нашим предкам тогда, в 988 году, коренного отрицания языческой традиции. Напротив, при выборе веры русичи восприняли именно ту религию, которая показалась им созвучной той картине мира, что была выработана в языческой древности их праотцами.

Основу всякой религии составляют миросозерцание, нравственные нормы, комплекс обрядов и священнодействий, называемый культом, и главное – объект поклонения: Бог и божественные силы или сонмище богов. При изучении русского христианства открывается, что многие его ключевые понятия во всех сферах религиозного познания ведут своё происхождение из славянского язычества, где они формировались на протяжении тысяч лет.

Религиозное миросозерцание включает в себя познание сверхъестественного, духовного мира и способов взаимодействия с ним человека. Ключевыми понятиями такого рода в русском христианстве являются **Бог, душа, святость, чудо, рай, воскресение, крест, молитва**. Но эти слова пришли в христианство из языческой древности, и реконструкция их исконных значений является, по сути, воскрешением мировоззрения славян-язычников. Религиозные представления славян в дохристианское время реконструировать сложно, поскольку достоверных письменных источников славянского язычества не сохранилось. Единственные исторически значимые факты можно извлечь лишь из истории русского языка и старинных сказок, примет, поверий, удерживающих дремучую древность. К ним мы и обратимся.

Истоки русской душевности

Душа человеческая – первое, что заставляло и заставляет всякого человека задуматься об инобытии, о мире сверхъестественном, не поддающемся осязанию и не доступном зрению. Древний славянин представлял душу в облике ветра, огня и птицы. Само слово **душа** происходит от глагола **дуть**, и это сближает её с образом ветра, особенно при расставании: человек мог *испустить дух, из-дох-нуть, за-дох-нуться*, его могли *за-душ-ить*. О возвращении к жизни говорили в старину: *от-дох-нул, от-дыш-ался*.

Душа в славянских воззрениях сближалась также с огнём, поскольку она, пребывая в человеке, давала телу внутреннюю теплоту и жизнь. Человек умирал, становился холоден и неподвижен – так гас внутренний огонь души. И древнее выражение **погасла жизнь** говорит нам, что душа в образе горящего в человеке огня – исконно русское представление. Во многих наших приметах течение жизни сравнивается с горением свечи. Даже в православных христианских храмах многие невольно следят за горением поставленной ими свечи, боясь, что она погаснет, не догорев, видя в том приметку скорого ухода из жизни. Слово **гасить** издревле употребляется в значении *убивать, истреблять*, слово **гаснуть** – в значении *истощаться, худеть, клониться к смерти*. Или вот ещё одна языковая цепочка смыслов: **потухнуть** – говорят обычно о свече, огне, а **протухнуть, затухнуть** – о падали, о мёртвом, бездушном теле.

И птицей **душа** представлялась славянам, что унаследовано в языке выражением “душа отлетела в иной мир”. Душа виделась человеку птицей не только потому, что казалась стремительно летящей, способной покинуть тело и вернуться в него, как птица в гнездо. Главное в древних представлениях о душе-птице то, что, оставив свою телесную оболочку, душа принимала новую форму и попадала в иной мир. Подобное преображение в живой природе происходит только с птицей, и это удивляло и восхищало древнего человека, заставляя его задуматься о преобразованиях души. Птица, рождаемая вначале в виде яйца, вылупливается из него птенцом, как бы рождаясь вторично. Русские загадки донесли до нас подобное сближение: “Дважды родится, а раз помирает”. В отгадках – и птица, и душа.

О душе-птице до сих пор свидетельствуют сохранившиеся в русском христианском быту языческие обряды, основанные на убеждении древних славян, что душа умершего после разлуки своей с телом до шести недель (сравните: в русском христианстве – до сорокового дня) остаётся в этом мире. Родственники и по сей день оставляют для души умершего на окне или на столе чашку со святой водой и вешают полотенце, чтобы исшедшая душа омылась, отёрлась полотенцем и предстала пред Богом чистой. В поминальные дни для души до сих пор ставят на стол рюмку с водкой, покрывая её хлебом, – этим заменили с течением времени поминальный блин и чашку воды, предназначенные умершей душе перед её “полётом” в дальний путь.

Именно представлением о душе-птице объясняется обрядовое значение яиц, известное не только христианству, но и всем языческим народам древности. Яйцо служило язычникам-славянам знаком возрождения к новой жизни, скрытой в его зародыше. И как у индийцев до сих пор празднование возрождения природы, именуемое Холи, сопровождается приготовлением крашенных красной краской яиц, так и в нашей христианской обрядности сохранилась славянская языческая традиция на Пасху и на Радоницу, в день поминовения усопших, ходить с крашеными яйцами на могилы умерших предков “христосоваться с покойными родителями”, а потом оставлять на могилах яйца или зарывать их в землю.

Так что славянин-язычник разделял свою природу на духовную и телесную, имел чёткое, укоренённое в языке и поверьях понятие о душе, которое христианство укрепило и развило. При этом русский язык свидетельствует, что душа для нас искони составляла **большую** и главную часть нашего естества. Это видно в выражениях, которыми мы описываем самих себя.

Русские называли **душой** всякого человека в казённом, государственном смысле: это и крепостной в царской России, где помещики владели “душами”, и любой человек, платящий подати государству, так называемый “подушный налог”, расчёт бюджетных средств до сих пор идёт в России “на душу населения”. Детей в семьях считали на души, так и говорили: “десять душ

детей”, едоков и работников на селе тоже числили по душам. Но не это самое главное в русской любви к слову **душа**. Вся человеческая жизнь по-русски — это жизнь души. Мы ведь этим словом можем описать всё, что способны пережить: *радостно* или *муторно* бывает именно *на душе*, *дело* может быть не *по душе* или *по душе*, *душа* частенько к чему-то не *лежит*. А ещё *душа не принимает*, *душа меру знает*, от страха *душа в пятки уходит*, делают что-либо *от всей души*, *с дорогой душой* и *за милую душу*, а бывает, что *с души воротит* или *прёт*. *Душа* у русского человека часто *нараспашку*, иногда *душа болит*, частенько *душа просит*, *душа надрывается*, порой *душа не на месте*, подчас человек *берёт на душу грех*, случается, что он *отводит душу*. И это ещё не всё. Мы, русские, общаясь друг с другом, с точки зрения нашего языка соприкасаемся именно душами: *русские живут душа в душу*, *говорят по душам*, *стоят над душой*, *влезает кому-нибудь в душу*, *тянут за душу*, *души не чают*, *беду душою чувт*. . . В русском должно быть очень много души, отчего, по его представлениям, *великодушный* человек — непременно хорош, а *малодушный* — безоговорочно плох. Душа — добрая или низкая, широкая или подлая, правда она тогда не душа, а *душонка*, — определяет в русском человеке всё его существо. И это представление, безусловно, имеет дохристианские, языческие истоки. Но христианство впервые заговорило с русским человеком о **спасении** его души. Оно пообещало ему сохранить, благодаря Вере в Бога, то, что русский любит в себе и в других больше всего на свете — бессмертную человеческую душу. Вот что навек покорило нас в христианстве, вот что делает русское православное христианство особенно тёплым и радостным, потому что оно отвечает глубинным народным представлениям о смысле жизни. И до сих пор для нас высшая похвала — *душевный человек*. А бездушие для нас равно бесчеловечности. Ведь именно душа является средоточием человеческой совести, она чувствует добро и зло, она проникает в хорошее и плохое.

Изъятие душевности из русского человека является ампутацией его совести, и, что прискорбно, эту хирургическую операцию пытаются проводить ныне с нашими душами. Насколько успешно можно удалить у русского народа совесть, да так, чтобы не осталось ни корешка, ни дольки, ни крохотного обрубка, который бы всё равно кровоточил и болел, радовался и тревожился?

Об этом мы можем судить по разросшемуся в нашем обществе спруту коррупции, воровства и подкупа. Это мы можем видеть в заимствуемом русскими у других народов прежде осуждаемом обычае рабства. Об этом свидетельствуют перенятые у инородцев обман в торговле, подделки в производстве товаров, продуктов, лекарств, такие, что влекут за собой смерть соплеменников. Русские люди, что творят подобное, вырезали из собственной души свою совесть, как удаляют больной орган, чтобы не тревожил человека постоянно ноющими или резкими приступами боли. Но ведь каждый орган для чего-то организму необходим. Вот и совесть в душе есть коренной признак нашей русскости. Ампутация совести ведёт к омертвлению русской души. Взгляните на наших правителей, что чередой голевских персонажей ежедневно заполняют телеэкраны в выпусках новостей. Живая душа, плещущаяся в глазах, — где она в этих физиономиях?

Потеряет ли душа окончательно способность болеть и радоваться, тревожиться и сострадать? На мой взгляд, это невозможно, пока жив наш язык, в котором **душа** — на первом месте. Наша русская картина мира заставляет нас быть душевными людьми, изъятие души у человека мы всегда будем рассматривать как тяжкую болезнь, пусть сегодня она и приобретает характер эпидемии. Но ведь все эпидемии когда-нибудь кончаются, забирая с собой самых слабых, самых негодных для народа особей. Все эпидемии на то и даны, чтобы очищать народы от плевел и сорняков, от вырожденцев и извергов. Вот и сегодня народ разделяется на всё ещё огромную массу сохраняющих свою душу и совесть и на негодных называться русскими — по ничтожному духу, по подлому характеру, по сожжённой совести и омертвлению души. Зёрна от плевел отделены, разве это плохо?

Насколько успешно можно удалить у русского народа совесть? Это зависит от того, как дороги останутся русскому человеку слова и выражения, говорящие ему о душе. Они пробуждают в русском исконно заложенные языковые архетипы, напоминающие, что самое дорогое для человека — это спасение его души и душ его ближних, и заставляющие оживать иссохшее — древо совести.

Дохристианские корни русской святости

Слово **святой**, ставшее основой понятия христианской святости, имеет дохристианский языческий смысл. В эпоху славянского язычества оно прилагалось ко всякого рода сверхъестественным силам и явлениям, а также обозначало людей, обладавших незаурядными, сверхчеловеческими способностями. Святой, согласно реконструкции языческого значения этого слова, – некто сильный, крепкий, могучий, непоколебимый, сверхъестественное существо, стоящее на границе двух миров: мира действительного и мира магии. Из числа таких существ – былинный Святогор. Такому существу язычники поклонялись и совершали жертвоприношения из опасения перед его мощью. Обломки этих представлений мы встречаем в русских народных говорах, где святыми могут называть и русалок, и водяных, и домовых, и прочие силы, именуемые христианством *нечистии*. В этом же значении – *сильный, крепкий, могучий* – использовался корень **свят-** в славянских языческих именах: Святовид, Святополк, Святослав, Святомир, Святозар.

Эта научная гипотеза удостоверяется данными Словаря русских народных говоров: “**Святой** – отличающийся здоровьем, жизненной силой, придающий здоровье, силу” (СРНГ. Вып. 37. С. 6). Среди примеров **святой ключ** – естественный колодец, колодец нерукотворный, вышедший из земли, дарованный людям свыше и потому имеющий **святую** – живительную силу; **святой огонь** – огонь, добытый трением из дерева для ритуальных действий: окуривания, такой огонь представлялся людям чудом, даром богов и, по представлениям язычников, обладал чудодейственной силой очищения; **святой разум** – здоровый ум, благоразумие и проницательность, которыми наделены особо одаренные люди; **святой дождь** – дождь, посланный свыше по просьбе земледельцев, необходимый для хорошего урожая; **в святой час** – в добрый час: пожелание счастливого пути, помощи высших сил; **вот и свято** – о благополучном завершении, окончании дела, которому дана помощь свыше; **дать святым кулаком** – ударить кулаком за правое дело; **святодух** – женщина, владеющая даром прорицания, доводящая до людей волю божества – отголосок древнего волхования. Во всех этих выражениях перед нами явно дохристианские значения слова **святой**, свидетельствующие об особой живящей, укрепляющей человека высшей силе, нисходящей на него через воду, огонь, людей и обстоятельства жизни. Важным здесь было и исконное родство корней **свят** и **свет**, так как богоданная сила представлялась людям излучающейся подобно свету.

Такое же значение было у латинского слова **sanctus**, когда оно употреблялось в римских языческих культах. Из-за большой употребительности этого слова у язычников римские христиане стали величать им святых лишь с IV века. А вот христианские миссионеры славян сразу же приняли слово **святой**, воспользовавшись его исконным языческим значением для убеждения славянской паствы в могуществе и силе христианской веры. Христианство внесло в смысл этого языческого слова новые черты. Святость стала пониматься как проявление Божественной силы Пресвятой Троицы. Святым именовалось всё, в чём христиане видели проявление Божьей силы и воли. Это легко разъяснялось славянам, обращаемым в истинную веру, поскольку они уже имели понятие о том, что **свят** – это обозначение сверхъестественных, нечеловеческих, высших сил. Переворот в понятиях, совершённый христианством, состоял в том, что теперь словом **свят** обозначалось лишь проявление силы Пресвятой Троицы, в чём бы она ни сказывалась: в людях – святых и священниках, в освящённых вещах и пище (их освящали на христианские праздники), в святой воде и святых источниках, в святых местах, куда совершались паломничества, в святом огне, сходящем на Гроб Господень в Пасху, и в святом огне кадиланиц, благоуханным дымом очищающем храмы от нечисти. Теперь всё это стали называть святынями и проявлять благоговение. Но в народных поверьях, устойчиво сохраняющих древнее языческое словоупотребление, **святыми** по-прежнему могли именовать домовых и водяных, и даже заговоры и заклинания, в том числе известный посыл “Поди ко святым!” И само понятие **святой** в народном восприятии было более приземлённым, утилитарным. “Святое дело”, – говорят у нас обо всяком добром деле. И вещи, и воду, и священников, да и собственно **святых** народное сознание воспринимает как помощников в мирских делах и в избавлении от невзгод

и болезней. И здесь произошло естественное замещение языческой магии благотворной и действенной помощью Божьей, которая выражается в том, что русский народ с языческих времен называет чудесами.

Само слово **чудо** — языческого происхождения. **Чудо** — сверхъестественное явление, которое невозможно объяснить действием законов природы или человеческим произволением. Именно чудо православное христианство полагает очевидным доказательством бытия Божия. Но вера в чудеса присуща не одному христианству — это устойчивый знак религиозности человека, понимающего, что над ним есть Некто Высший. В языке славян в дохристианскую эпоху слово **чудо** было языковым символом, выражающим действия высших, **святых** в языческом понимании сил. В данном слове лингвистами прочитывается древний корень **куд-**, исконно обозначавший сверхъестественные действия. **Куд** — это всемогущий дух, **кудесить** — значит волховать, колдовать, заниматься ворожбой, **кудесник** — волшебник, колдун. Корень **куд-** происходит из индоевропейского **GhwDh**, который имеет значение уничтожать, запрячь и, согласно исследованию Н. Д. Андреева, характеризует состояние бытия или небытия, сохранения или уничтожения в зависимости от того, к чему склоняется изволение Высших Сил. **Куд** — это знак действия сверхъестественных существ, способных продлить или прекратить бытие человека, могущих сохранить человеческую жизнь или уничтожить её. Отсюда возникло и слово **чудо** с его главным смыслом — знамения высших сил для блага или кары людей. Смысл этот, безусловно, был выработан в языческой древности. Христианство приняло слово **чудо** вместе с его значением, но отринуло другие слова данного корня, обозначавшие духов, творящих языческие чудеса.

Слово **куд**, согласно словарю В. И. Даля, в русских народных говорах стало обозначать злого духа, беса, сатану. Оно породило множество однокоренных речений зловещего смысла. **Кудесить** значило заниматься ворожбой и чернокнижием, уничтожать, наводить порчу. Тот же смысл и в слове **колдовать**. **Кудесами** назывались чудеса, производимые нечистой силой. Образовалось слово **прокудить** со значением “дурить, творить пакости, наносить кому-нибудь вред”. Сюда же прилепилось и ругательство **паскуда**, то бишь скверность, мерзость, человек, творящий пакости.

Поразительно, что именно этот древний индоевропейский корень **GhwDh**, который произвёл на свет столь зловещие русские слова, в английском и немецком языках породил слово, обозначающее Всеблагото Бога — **God** и **Got**. Бог, воспринимаемый как карающая грозная сила, во всевластии которой находится человек, — таков образ Вседержителя в картине мира германских народов. Славянские же народы имели собственное исконное наименование для божественных сил — слово **Бог**, произошедшее от индоевропейского **BhX**. Данный корень имел особый смысл, он значил изначально “блеск, сияние, красу”, и производные от него слова во множестве языков разумеют именно благо, добро, красоту, истину, что в славянских языках было осмыслено как Божество, Высший разум. Божественные силы в видении нашего народа предстали и источником добра, красоты и истины, и того, что у нас принято именовать Любовью. Светлое, любовное восприятие Бога, однокоренного понятию **благо**, тысячелетиями сохраняемое нашими языческими предками, в русском православном христианстве логично и просто соединилось с евангельскими словами Господа нашего Иисуса Христа: “Азь есмь путь, истина, и животь” (Иоанн, 14, 6), “Свет есмь миру” (Иоанн, 9, 5).

Разделяя слова по принципу *злое и доброе*, русский язык с языческих времен сохранил благой смысл слова **чудо**. Оно стало исключительно знаком божественных сил, Божьей воли, выраженной в сверхъестественных действиях. Вера в чудеса явилась отличительной особенностью русского православного христианства, в отличие от трезвенного католичества и рационалистического протестантизма. И это хорошо видно в почитании на Руси святителя Николая Мирликийского, которого у нас величают Чудотворцем, а в Италии, где почивают его мощи, он не в особой чести у католиков. Чудесами пронизана вся русская христианская культура. Иконы Пресвятой Богородицы почитают именно за великие творимые от них чудеса исцеления, помощи, умилоствления Бога. В сказаниях об иконах, а это любимейший жанр древнерусской литературы, свидетельства о чудесах составляли самую обширную часть текстов. Жития святых наполнены чудесами, и новопрославленные святые, такие как блаженная Матрона Московская, почитаемы именно за великие чудесные

дары, приносимые ими молящемуся народу. В этом всеобщем ожидании чудес, в этой постоянной готовности узреть чудо таится древняя языческая традиция — получать блага для тела и быта, а не для души и духа. Именно поэтому так разнится скептическое порой отношение к чудесам образованного духовенства, понимающего некоторую неловкость постоянного народного клянченья: “Дай, Боже, дай, дай!”, — и горячность безграничной веры простолюдина в любое чудо, если об этом очень сильно попросить в присутствии христианской святыни. Горячая русская вера в святыню, заложенная в нас языческими предками и укрепленная мистическим тысячелетним опытом христианства, никогда не бывала посрамленной. Вспомним военную историю России. Нам всегда было свойственно надеяться на чудо там, где другие народы складывали оружие и прекращали сопротивление. А мы верили в Божью помощь в самых безнадежных случаях, и надежда на чудо, на то, что, в конце концов, *будет Божья подмога*, заставляла русских держаться *до последнего* — до последнего живого, кто может сражаться. Вот и ныне, при всей безысходности жизни при оккупационной власти, во всех русских — язычниках, христианах, атеистах — жива надежда на чудо — на помощь высшую, как бы кто её ни называл. Но при этом мы твердо знаем, что чудесная помощь даётся лишь тем, кто не отступает, не сдаётся, не падает духом, кто *держится до последнего*.

Языческий прообраз христианского рая

Ныне лингвистами доказаны языческие истоки слова **рай**. Христианское понимание его — место загробного пребывания душ праведников — не было первоначальным значением этого слова. Академик О. Н. Трубачёв установил родство слова **рай** со славянскими корнями слов **рой** и **река**, имевшими общий корень **рой-/рей-/рай-**. Слово **рай** исконно связано с проточной водой, с рекой, образующей преграду, которой в языческих представлениях отделяется мир мёртвых от мира живых. **Рай** буквально означает “заречный”. Сама река у славян, как, впрочем, у многих других народов, представляется не только водной артерией земли, но и путём в иной мир или границей между двумя мирами, разделяющей мёртвых и живых.

Эти древние языческие представления довольно стойко сохранялись в поверьях русского народа. Во Владимирской губернии люди говорили, что умерший грудной ребёнок три дня тоскует по матери, а потом ангелы несут его на “забытную реку” и дают испить её воды, после чего младенец забывает о матери. В понимании русских на Вологодчине **этот** свет отделён от **того** Забыть-рекой, перейдя через которую на сороковой день после смерти, человек забывал всё, что с ним было на земле.

Слово **рай** известно в русском языке и в иных огласовках: **вырей**, **ирий**, **вырай**. Именно в сказочный **вырей**, согласно архаичным славянским представлениям, улетают зимовать птицы, путь же их пролегает через реку, омут или водоворот.

Связь загробного мира с образом реки и заречного пространства наблюдается у многих древних народов: река Стикс и перевозчик через неё душ умерших Харон в древнегреческой мифологии; египетский бог Озирис, путь умершего человека к которому пролегал по водной глади на погребальной лодке: индийский обычай кремации умершего и развеивания его праха над рекой — всё это “заречные” представления древних о царстве мёртвых. Такие далёкие друг от друга народы, как майори и кельты, одинаково мыслили царство мёртвых находящимся под водой. Древние славяне не были исключением. Русские летописи донесли до нас обычай хоронить покойника в лодке, которая стала прообразом гроба, самого же умершего в некоторых русских народных говорах до сих пор именуют **райником**. Кстати, слово **радуга**, часто встречающееся в русском языке в огласовке **райдуга**, указывает на её связь с *заречным раем*: загадочность игры радужных цветов и явление радуги именно над рекой навевали образ светлой заречной страны без страданий и болезней. Русское выражение “потусторонний мир” отчётливо указывает на представление о пребывании душ умерших не вверху или внизу по отношению к живущим, а *по ту сторону* — за речной границей.

Если реконструировать, как понятие **рай** превратилось в часть языческого мировоззрения славян, то сначала это было видение рая как места, нахо-

дящегося где-то за рекой. Именно там находился *потусторонний мир*, оттуда являлась людям загадочная *райдуга*. Со словом **рай** было соотнесено в сознании язычников местопребывание душ усопших предков, и возникли обряды погребения или трупосожжения в лодке, связанные с представлением о посмертном обитании умерших в *заречье*. В этом виде понятие о рае тысячелетиями укоренялось в сознании славян-язычников. Заметим, что в языческий рай переселялись **все** умершие: в мировоззрении славян не существовало посмертного разграничения. Все уходили на тот свет, все имели равную участь, на что указывало выражение **тот свет** – мир, куда попадают все умершие. Христианское мировоззрение – иное, в нём нераскаянные грешники и добрые христиане имеют разную посмертную судьбу. Христианским миссионерам требовалось доступно объяснить это новокрещёным славянам. Вот тогда-то и пригодилось привычное и понятное слово **рай**, которое обнимало собой у язычников весь **тот свет**, а у христиан стало обозначением места лишь для душ спасённых христиан. Грешным же уготован был **ад**, – заимствованное из греческого языка, это слово означает “пропасть”. Обратим же внимание: христианские просветители славян не оборвали преемственности между крещёными славянами и их язычниками-предками. Закрепив слово **рай** в славянском христианском богословии и удержав за ним значение места вечного блаженства для спасённых душ, миссионеры сохранили у славян убеждение, что души их языческих отцов и дедов спасены и обитают в раю.

Совсем иначе сложились христианские представления о загробном мире у большинства неславянских языческих народов Европы, что нашло отражение в их языках. Латинское *infernium* и его переогласовки во всех романских языках, а также немецкое *hölle*, английское *hell* – все эти наименования языческого **мира мёртвых** исконно обозначали “нижний, пещерный мир”, “пропасть” и были приспособлены миссионерами при крещении европейцев для именованья **ада**. На Западе народными и сугубо языческими были как раз названия **ада** – преисподней. Понятие и название **paradise** – “рай”, заимствованное из греческого языка, и укоренилось-то лишь вместе с христианством. То есть на Западе миссионерство загоняло предков языческих народов в преисподнюю, чётко разграничивая посмертную судьбу христиан и язычников. В этом коренится глубокое различие между светлостью и свободным оптимизмом Православной веры и сумрачным аскетизмом, дисциплинарной строгостью католичества. Русское Православие донесло до нас всеобщую надежду на спасение, основанную на мироощущении наших языческих предков, не боявшихся посмертного возмездия и смело смотревших смерти в лицо.

Христианский **рай** – продолжение славянского языческого **рая**, в представление о котором христианские миссионеры внесли мировоззренческие изменения. Но что очень важно подчеркнуть – эти изменения не разрывали преемственности новообращённых христиан-славян с их предками-язычниками, давали надежду на непременно встречу с ними в раю, а следовательно, один из важнейших древних народных устоев – культ предков – сохранялся нерушимо и даже принёс с собой в христианство такие языческие праздники, как Радоница – поминовение усопших на Светлой неделе (его название звучало в древности как *Райдоница*) и родительские дни, когда христианам полагается ходить на могилы предков, поминать их в храмах и за трапезой.

Мироощущение, в котором **рай** представлялся естественным завершением земной жизни человека, – непременно светлое, потому и характер русско-го народа, уповавшего на благой исход своего бытия, – неунывающий, терпеливо-стойкий, как бы ни были трудны перипетии русской истории. Нам свойственно верить, что, **не узнав горя, не узнаешь и радости, что всё перемелется – мука будет и что хорошего – понемножку**. Неслучайно формулой нашей стойкости стало упорное и одновременно насмешливое **ничего!** Этим словом, как колом или дубиной, мы отмахиваемся от всякой напасти: болезнь ли одолела – ничего! – перетерпим, враг ли подступил – ничего! – отобьёмся, друг ли предал – ничего! – переждем. Мы детей своих, когда упадут и расшибуются, успокаиваем всё тем же – ничего, пройдёт! Мы в ответ на всякое участливое отношение к нашему горю, чтобы не раскваситься, не расклеиться в жалости к себе, отвечаем: “Да ничего! Переживём!” Этим поражающим всякого нерусского человека, бессмысленным на первый взгляд **ничего!** – а ещё залихватскими **ништо! ништяк! ничо!** – мы смеёмся над горькой судьбиной, преодолеваем, стиснув зубы, беду, сами себя убеждаем

в пустячности боли, в преодолении горя, в неизбежности победы. Удалое русское **ничего!** во все времена делало нас самым терпеливым, самым стойким, а потому непобедимым народом, ведающим искони, что за нашу стойкость, упорство и терпение нас непременно ожидает **светлый рай**. Вот россыпь поговорок, приучающих русского человека не бояться смерти: **“Живи – не тужи, помрешь – не заплачешь”**; **“Жить надейся, а умирать готовься”**; **“Не на живот рождаемся, а на смерть. Умел пожить, умей и умереть”**.

Но если всех ожидал, по представлению язычников, **светлый рай**, а люди на земле совершали зло, то где и в чём, согласно языческому мировоззрению, осуществлялся высший суд их деяний? Ведь без идеи воздаяния за добро и зло не живёт ни одна религия! Для славянского язычества **Высшим Судом являлась человеческая судьба**. Вот почему издревле знают русские люди: **“От судьбы не уйдёшь. Чему быть, того не миновать”**. Судьба – достоверно установлено этимологами – это **суд Бога**, в земной жизни отмщающего грешнику несчастьями и бедами и вознаграждающего праведника благами и радостью. Такое восприятие судьбы – чисто языческое, но оно прочно утвердилось в русском христианском мировоззрении. И когда постигает нас болезнь или несчастье, мы язычески всматриваемся в прожитое, там ищем ответ: в чём наш грех, за который пришла расплата? Когда приходит беда, люди причитают: “За что?!” Когда наши враги и ненавистники терпят несчастья и нужду, мы язычески утверждаем: “Бог наказал!” Хотя вроде бы должны их христиански пожалеть. Русские христиане подспудно хранят эти древние языческие убеждения, и такое внимание к своей судьбине, как к Божьему суду здесь, на земле, заставляет нас вдумываться в свои слова и поступки, стараться избегать явного зла, чтобы не испытывать судьбу и не гневить Бога.

Языческая русская **светлость** представлений о загробной жизни унаследована христианским мировосприятием, не склонным пугаться пекла и адского ненасытного чрева. Не страх перед адом становился причиной русского христианского подвижничества, а врождённая склонность к добру и тяготение к свету. В идее же посмертного воздаяния грешникам за содеянное на земле зло христианство созерцало столь любимую нами мысль о справедливости, без которой русскому народу жизнь не мила.

О языческом значении слов **воскресение** и **крест**

Языческими по происхождению являются слова, обозначающие главные христианские символы – **крест** и **воскресение**. Слово **воскресение** происходит от древнего глагола в двух формах, несущих два смысла: **кресити** – “высекать, добывать огонь”, **кресати** – “воскрешать, оживлять”. Первичным является здесь значение оживления, воскрешения по отношению к огню, безусловно, бывшему для древнего человека объектом священного поклонения. Славяне-язычники словом **воскресение** могли именовать священнодействие – возжигание жертвенного огня, за что боги, по языческим поверьям, даровали им жизнь и благоденствие. Об этом свидетельствуют однокоренные **воскресению** слова **краса** и **крес**. **Краса** означала в древности расцвет жизни, её благополучие и довольство. Вот почему мы именуем красой, красотой молодую девушку и привычно восклицаем в радости и благоденствии: “Красота!”. Старинное славянское слово **крес** донесло до нас языческие представления о жизнотворной силе природы. **Крес** – это древнерусский солнцеворот, а также высшая точка, расцвет жизненной силы, которую славяне связывали с летним солнцестоянием и огнём языческого жертвоприношения. В русских говорах это слово до сих пор сохранило значение “жизнь”: **быть на кресу** – быть живу, **не быть на кресу** – умереть, не оправиться от недуга, **кресу нет** – нет житья. Сохранилась поговорка: **“Смерть на носу, а всё будь на кресу”**, означающая примерно то же, что и наше извечное “Помирать собирайся, а рожь сей”. **Кресом** называли обряд умилоствления сил природы ради получения **красы** – благоденствия, расцвета и довольства в жизни. В таком случае и **воскресение** в славянском язычестве могло означать возжигание жертвенного огня для совершения языческого **креса**. Подтверждением этому являются упоминания о праздновании славянами еженедельных праздников света по **воскресеньям**. Этот день недели означал то же, что

у европейцев Sunday/Sontag – день солнца, день света. У нас **воскресенье** было днём **креса**.

С принятием славянами христианства оказалось, что слово **воскресение** весьма точно передаёт смысл события, совершившегося после смерти Господа Иисуса Христа. Выражение “воскреснуть из мёртвых” значило буквально “ожить в животворящем пламени”. Эта картина была язычникам абсолютно понятна, и выглядела она величественно, и потрясала душу божественной мощью. Греческое слово *anastasia* – “восстание” – гораздо менее подходило к наименованию евангельского события Христова Воскресения, потому что слово это бытовое, а не сакральное. **Воскресение** же являлось священным для славянина-язычника, и оно легко приняло на себя значение великого христианского события, стало символом и сутью русского православного христианства, неся на себе отпечаток древнейшего благоговения славян перед животворящим божественным светом и огнём.

Схожее преобразование пережило и древнее славянское слово **крест**, которое вовсе не было заимствовано, как это принято ныне полагать, из древне-немецкого неправильно истолкованного имени Иисуса Христа – *Kristos*. **Крест** и производные от него слова **окрест**, **окрестность** существовали и в дохристианские времена. Но что же тогда означало слово **крест** у славян-язычников?

Слово это так же, как и **воскресение**, происходит от глагола **кресити/кресати** со значением “оживать” и “воспламеняться”; образовалось оно присоединением к корню **крес-** другого значимого корня – **ст-** со значением “стоять, устанавливать”. Подобным образом сформированы многие русские слова: **перст**, **пест**, **шест**, **хвост** (пучок), **рост** (росток), **руст** (струя, фонтан). Все эти слова обозначают предметы вертикальной конфигурации, устойчивые в пространстве, все они образованы от глаголов: **перст** – от переть, **пест** – от пихать, **шест** – от ходить и шествовать, **хвост** – от хватать, **рост** – от орать (пахать), **руст** – от рыть и рвать. Славянский **крест** мы можем реконструировать по той же модели. Образованное от глаголов **кресить** и **кресать** со значением “оживать” и “воспламеняться”, данное слово имело сакральный смысл: **крест** – столб пламени, охвативший вертикально установленный языческий жертвенник. Такова исконная семантика слова **крест**, которому после принятия славянами христианства отдано равно священное значение. В христианстве **крест** стал обозначать распятие, на котором Господь Иисус Христос принёс искупительную жертву за погибающее в грехах человечество.

Языческие отголоски древнейших смыслов слова **крест** сохранились в понятиях **окрест** и **окрестный** – так, вероятнее всего, называли древние славяне священное место вокруг жертвенника. Но сколь продумана и логична была смена значения у слова **крест** с языческого на христианское! Крест – прежде языческий огненный жертвенник – стал крестом, на котором был распят Христос и обрёл смысл священного символа христиан, стал оружием духовной силы. В чём суть преобразования слова? Господь Иисус Христос принёс Себя в жертву за всех людей, и именно Его распятие явилось логическим замещением языческого жертвенника жертвенником христианским.

Христианские миссионеры IX века втолковывали на капищах славянам-идолопоклонникам, приготавливавшим свои огненные “алтари”, что Истинный Бог – Иисус Христос, а истинный крест – крест Христов, истинная же жертва – жертва крестного Христова страдания, смерти и воскресения. До сих пор у нас сохранилось это миссионерское выражение в форме клятвы “Вот тебе истинный крест!” Древнее языческое слово **крест** обрело новое христианское значение. Глубинное тождество прежнего и нового понятий – обозначение **жертвенника** – помогло миссионеру-христианину объяснить славянам, пребывавшим в язычестве, сущность Веры Христовой. Ведь в евангельских чтениях говорится о несении креста как о жертвенном служении человека Богу, в истории о Симеоне Богоприимце упоминается о грядущем явлении ему креста Господня, Жертвы Самого Бога ради спасения человечества.

Вот так представления о мире и человеке славян-язычников вращались и вживались в христианское мировоззрение, которое благодаря этому не вызывало враждебного отпора и необходимости насаждения Веры огнём и мечом.

Совесть как врождённое русское чувство

Можем ли мы считать, что одно лишь христианство принесло славянам и, прежде всего, русским те нравственные устои, на которых и поныне держимся? Наш язык во всей его истории свидетельствует о том, что в русском христианстве произошло уникальное соединение нравственных понятий язычества с нормами христианской морали. Мерилом добра и зла в русском понимании является **совесть**.

“Совесть, — определяет это слово В. И. Даль, — нравственное сознание, нравственное чутьё или чувство в человеке... внутреннее сознание добра и зла, тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка, способность распознавать качество поступка, чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла, невольная любовь к добру и истине, прирождённая правда...”. Особенно важна в определении В. И. Даля формула “прирождённая правда”, ибо в ней хранится свидетельство того, что славянам было присуще совестное чувство ещё в дохристианскую эпоху.

В первых славянских переводах греческих христианских книг авторы называли *осознанием* или *пониманием* хорошего ли, плохого поступка, добро-го или злого поведения то, что славяне изначально именовали **совестью**, которая у нас в языке вовсе не означает интеллектуальной работы, производимой рассудком, как у греков. Славянская **совесть** — категория не ума, а чувства, именно поэтому В. И. Даль называет её “прирождённой правдой” и “невольной любовью” к правде, настолько невольной, что совесть имеет власть над человеком; она, по слову русского языка, отражающему архетипы нашего мышления, способна заставить страдать: совесть спать не даёт, мучает, снедает, томит, грызёт и даже может убить человека, ведь по русской поговорке, “злая совесть хуже палача”.

Само слово **съвесть** содержит два древних корня: корень **сь-** восходит к понятию **свой** и исконно означает “родной, врождённый, данный от Бога”, а слово **весть** — это глагол, выражающий высшее, божественное ведение в отличие от глагола **знать**, который обозначал познание внешнего, зримого мира. Так что древнерусское языческое слово **сь-весть** свидетельствовало о врождённом ведении добра и зла, данном человеку свыше, что так точно передано в христианской формуле “совесть — глаз Божий в душе человеческой”.

Совесть, с языческих времён данная славянину и закреплённая в его языке, и в христианстве оказалась идеальным русским мерилем добра и зла. Христианским проповедником не надо было ни переписывать, ни перетолковывать нравственные законы славянской языческой традиции: христианство легко соединилось с исконной славянской психологией.

В отличие от греческого *sineidesis* и латинского *conscientia*, которые буквально означали “внутреннее знание”, работу рассудка, русская **совесть** никогда не определялась умственной деятельностью. Совесть воспринималась русским человеком как нечто цельное, как самостоятельный и притом главный орган души, наделённый чувством *добраго* и *злого*. По-русски следует поступать и жить только по совести, сообразуясь с ней, как с индикатором добра и зла. По-русски делать дело *на совесть* значит — самым наилучшим образом. Преступление, грех, подлость ложатся на совесть русского человека тяжким грузом, давят, как камень истерзанную грудь. Русский человек всегда “знает совесть” — и донимает жив и действует упрёк “совесть надо иметь!”, а самым что ни на есть обидным укором звучит: “Совести у тебя нет!” Самым жёстким и позорным приговором впечатывается в человека брошенное ему в лицо обвинение: “Бессовестный!” По-русски допускается даже брать на свою совесть чужую вину, желая спасти человека, разделять его ответственность перед Богом. Каждому русскому наперёд известно, что ему **с совестью не разминуться**.

Совестливость подразумевает непременно *искренность*. Это слово происходит от понятия **искренний**, то есть *ближний*, *родной*, а потому прямой и честный. Именно совестливость и искренность положили начало нашему обычаю улыбаться только тому, что радует душу, в отличие от американцев, которые улыбаются всегда и напоказ, чтобы продемонстрировать, что у них всё блестяще, всё *о’кей*, что они процветают и преуспевают. Искренне улыбаться русские люди способны только по зову души, им **совесть не позволя-**

ет щериться напоказ. Всякому русскому, вздумавшему перенять фальшивую американскую привычку улыбаться, достаётся от своих: “Чего лыбишься, зубы жмут?”. Вот и получается, что от нашей редкой искренней улыбочивости мы кажемся тем же американцам мрачными, хмурыми, вечно недовольными, неудачниками, а они нам представляются жизнерадостными идиотами, лицемерными притворщиками.

Русскому человеку **совесть не позволяет** многое. Разумеется, помимо запрещённых заповедями Закона Божьего убийства, прелюбодеяния, лжесвидетельства, **совесть не позволяет** русскому человеку врать, то есть говорить неправду ради собственной выгоды, ещё совесть не позволяет обманывать, обещать несбыточное ради собственной выгоды, наконец, впрямую совесть запрещает воровать, присваивать чужое, а ещё – самовозноситься, непотребствовать, насмехаться. За это все мы неизменно чувствуем невольные, нам не подвластные **угрызения совести!** И ещё важно: **совесть не позволяет** русским выгадывать! И даже поговорка-предостережение существует на этот счёт: **“Не хочешь прогадать – не выгадывай”**. Получать выгоду, прибыль путём обкрадывания других нашей совестью запрещено!

Множество русских людей, что христиан, что язычников, поддались ныне соблазнам выгоды, оказались бессовестными, утратив долю русскости, когда сожгли, заглушили в себе совесть, заменив её жадной наживы. Легко ли им это далось? Попробуйте пожить без лёгких – задохнётесь: вам будет нечем дышать. Попытайтесь просуществовать без глаз – затоскуете: вам так захочется взглянуть на мир. А совесть – это наши русские лёгкие, это наше русское зрение, ибо мы по-русски благостно существуем и легко дышим лишь благодаря **чистой совести**, мы по-русски созерцаем мир именно **совестными** глазами.

Великое горе видеть, как слепнут без глаз совести наши соотечественники, как задыхаются без дыхания совести наши единокровные братья, но они сделали свой выбор, а мы – свой. Совесть и бессовестность разделили нас, развели по сторонам добра и зла, причём разделили независимо от веры, ибо бывает и так, что **совесть – христианская, а душа – цыганская**.

Напомню, что у греков и латинян издревле не было славянского понятия **совести**, у греков и римлян было **внутреннее знание**, которое по-славянски очень точно передавалось словом “сознание”, и это различие между западной картиной мира и русской продолжало развиваться и в Средневековье, и в новейшие времена. Русская **совесть** и по сей день не имеет параллелей в западноевропейских языках. Чрезвычайно трудно объяснить англичанам, французам, немцам, что такое “совесть”, ибо в этих языках вообще отсутствует подобное понятие. У западноевропейца ключевым для самооценки словом является honor, то есть “честь”. Честь и бесчестие – суть внешнее мерило человеческих деяний, они произрастают из рассудочного “сознания”, которое только и интересовало греко-римскую и западноевропейскую культуру. Для русского же человека честь была не слишком в чести. Русские дворяне XVIII и XIX веков, воспитанные на европейский манер, вскормленные французской и английской литературой, наученные французскому и английскому языкам, ещё могли заботиться более о чести, чем о совести, но коренной, природный русский человек жил, сверяясь с совестью, а не с честью. И живёт так донныне. Это глубинное различие между русским и западными народами породило множество других расхождений в нашей национальной психологии и наших нравственных законах. Многих русских удивляет врождённое корыстолюбие и стремление к наживе у современных немцев, англичан, французов, итальянцев, а их, в свою очередь, потрясает неразумная щедрость, порой даже безумное бескорыстие русских, и в нищете готовых снять с себя последнюю рубашку и поделиться последним куском. Очевидно, что дело в коренном расхождении взгляда на существо жизни у западных народов и у русского. Западноевропейцу престижность богатства и наживы необходима для возвеличивания его чести, ибо деньги обеспечивали внешние атрибуты чести – уважение окружающих и власть. Поэтому европейская знать охотно предавалась поклонению золотым кумирам роскоши и денег. А вот с русским понятием **совести** богатство часто входило в противоречие, ибо деньги далеко не всегда приходят праведным путём.

И даже наше русское слово **честный**, вроде бы происходящее от слова **честь**, теснейшим образом связано именно с совестью, ибо **честный**, с точ-

ки зрения русского человека, и это твердят нам все русские словари, есть добросовестный человек, поступающий по совести!

Для русского богатство никогда не было самоцелью, ибо честью он сильно не дорожил, а совесть богатство отягощало. Вот отчего русские поговорки не хвалят богатства, заменяя его понятием **достаток**, вписывая в законы русской жизни правила: “Богатым быть трудно, а сытым — не мудрено”; “Будь деньги за богачом, оставался бы хлеб за нами”; “Богатый совести не купит, а свою погубит”. Вот почему русские так легко расставались с богатством — ведь на этом жизнь не кончалась, а совести дышалось легче: “Есть деньги, так в свайку, нет денег, так в схиму”. Служение деньгам у нас, русских, всегда осуждалось: “Не деньги нас, а мы их нажили”; “Лишние деньги — лишняя забота”. Трата денег не считалась у нас зазорной, ведь “ста рублей нету, а рубль — не деньги”, горевать о финансовых потерях у русских вообще не принято: “Деньги не голова — наживное дело”.

Русской нескредестью, щедростью, лёгкостью расставания с деньгами корыстно пользуются другие, живущие рядом с нами народы. Ограбление народного хозяйства России, мошенническая чубайсовская ваучерная приватизация, обесценивание рубля и акций, гайдаровское обнуление банковских счетов, дефолт 1998 года, сегодняшние нищенские пенсии и зарплаты, которые несоразмерны затраченному труду, — все эти спецоперации по изъятию у населения денежных средств оказываются безнаказанными в том числе и благодаря врождённому бескорыстию русских, их неспособности отвоёвывать деньги, отсуживать украденное, бунтовать из-за похищенного у них богатства. Там, где немец или француз будет кропотливо и методично засыпать суды исками о возвращении нажитого, русский брезгливо отмахнётся от суеты: “Деньги не голова, дело наживное”.

Русский народ редко бунтовал ради своего живота и благополучия, и причиной этого является врождённая любовь к правде, именуемая **совестью**, с которой плохо сопрягаются понятия богатства и наживы. Этим множество раз пользовались наши властители, не понимая, что отложенный в дальний ящик народный гнев, оскорблённость ограбленного и поруганного народа накапливаются в русской душе подобно вулканической лаве, ищущей трещины или скважины, чтобы сжечь всех обидчиков разом, но уже не за копейку или краюшку хлеба, а за поруганную справедливость — величайшую святыню русского народа.

Русская совесть как чувство высшей правды, зародившаяся в нас с языческих времен, камертоном звеневшая в наших душах во времена христианского тысячелетия, упорно сохранявшаяся в сердцах в век богоборчества, жива в нас до сих пор. Её носители в России расцениваются как национальное достояние всеми, кто хоть в малости хранит в себе русское чувство. Мы жаждем видеть совесть в искренних писателях, в верующих священниках, в непродавшихся политиках. И свято верим, что рано или поздно в России будет совестливая власть. А во что мы верим свято, того обязательно добиваемся.

Своеобразие русского покаяния

Русское понятие о **грехе**, имеющее сегодня исключительно христианскую подоплёку, первоначально развивалось в языческой среде. Само слово **грех** происходит от глагола **греть**. Грехи — это деяния и поступки, которые жгли, испепеляли душу и совесть человека, вот отчего так трудно русскому человеку **взять грех на душу** — ведь её недолго тогда и вовсе сжечь! Представление о том, что вина, проступок жгут человеческую душу, свойственно не одному только русскому народу. В латинской языковой культуре **грех** — *peccatum* — выводят из глагола **реcco** с корнем, родственным нашему русскому глаголу **печь**, родившему понятие о **печали**, которая печёт, жжёт совесть.

Видимо, то, что мы понимаем под грехом в религиозном, христианском смысле как поступок, противный Закону Божию, как вину перед Господом — это вторичное значение данного слова. Первоначально, в язычестве, **грех** — это вина или преступление, приведшее к беде, напасти, несчастью: “Грех да беда на кого не живёт!” За вину следовало отвечать, платить: “Не бойся кнута, а бойся греха”, “Чья душа в грехе, та и в ответе”. Такая расплата с языческих времен у славян именовалась **покаянием**.

Славянский христианский термин **покаяние** имеет новозаветное греческое соответствие **metanoia**, что в греческом буквально означает *перемена мышления, духовный переворот*. В русском же языке идея слова **покаяние** совершенно иная. Индоевропейский корень *koj/kaj* отражал физические и нравственные перемены в человеческом существе, и это было не только состояние перехода от сна к бодрствованию, выраженное в словах **покой-почить**, но и все преобразования, переживания человеческой души также рассматривались в языке как переход — от горя к утешению, от тревоги к успокоению, от гибели к спасению, от беды к радости. Эти состояния переходов выражены в русских поговорках: “Не было бы счастья, да несчастье помогло”; “Нет худа без добра”.

В русском языке до принятия нами христианства подобные трансформации душевных состояний отражались в словах **покаяние, каяться, окаянный**. . . Славянский корень *kai-* в таких словах выражал понятия, под которыми славянское языческое племя, род, семья разумели очищение члена племени, рода или семьи от нравственного груза совершённого им преступления — от греха. Глаголы с корнем *kai-* описывали ритуальные действия, совершаемые над преступником. Грешника **окаивали** — обвиняли в совершённом преступлении, оглашали его прилюдно, затем его **прикаивали** — принуждали к ритуалу покаяния; сам ритуал покаяния, вероятно, включал исповедь о совершённом зле, прошение о прощении и наказание. Так преступник раскаивался, очищался от лежавшей на его совести вины. Сохранившиеся в русском языке слова отражали древний ритуал, или **каятины**: **каета** — это порядок ритуальных действий, **каят** или **кайка** — оглашение перед народом своей вины, **кайна** или **цена** — принесение провинившимся выкупа за совершенное зло, **каязнь** или **казнь** — кара за преступление. Существующие у нас в языке слова **окаянный** и **неприкаянный** как нельзя лучше свидетельствуют о дохристианских ритуалах, через которые проводили окаянных, то есть оглашённых преступниками, и неприкаянных, то есть преступников, избегших ритуала покаяния, но мучимых совестью. Вот откуда древнее выражение “ходить, как неприкаянный”, оно свидетельствует о том, что издревле не покаявшийся русский человек не находил себе места, мучимый угрызениями совести, ибо **совесть без зубов, а загрызёт**.

Подобные ритуалы очищения от преступления, вплоть до казни, в древности звучавшей по-славянски как **каязнь**, существовали у многих индоевропейских народов. Пропась в Спарте, в которую низвергали государственных преступников, именовалась **кай-адас**. Интересна переключка реконструированных понятий славянского язычества с индуистской и буддистской традицией очищения от грехов, связанной с горой **Кайлас** в Тибете: “Как Земля совершает круг вокруг светила, дающего ей жизнь, так тибетские паломники совершают обход вокруг священной горы Кайлас. Паломники верят, что прошедший 108 кругов вокруг Кайласа гарантированно возродится в Чистых Землях на небесах. Эта гора считается священной многие тысячелетия у всех народностей, проживающих в близлежащих странах”. В названии горы в Тибете и в названии пропасти в Спарте присутствует один и тот же индоевропейский корень *kai-*, несущий идею покаяния и казни с целью очищения души, совести от грехов.

Ритуал очищения от грехов существовал в дохристианскую эпоху у многих народов, но само очищение понималось разными племенами и расами по-разному. Древние евреи, к примеру, ежегодно возлагали свои прегрешения на козла и отпускали его в пустыню, полагая, что теперь именно этот **козёл отпущения** является носителем всех их зол. Так сформировалась психология народа, который перекладывал свои вины и преступления на других, не испытывая ни мук совести, ни чувства раскаянья. У славян было иначе: здесь каждый человек сам давал ответ за свои преступления, испукал вину, внося выкуп — **цену**, или получал наказание — **казнь**. Этот древний ритуал определил психологический тип русского человека, который понимал необходимость покаяния и ответа за всё, что он совершил злого в жизни. На этом основывается наше русское убеждение, что “за всё в жизни нужно платить”.

Мы полагаем, что обряд покаяния совершался славянами-язычниками ежегодно, время его исполнения приходилось на начало весны и связано было с обновлением всего живого, пробуждением *от смерти к жизни*, очищением от всех накопленных за год грехов. Возможно, сроки проведения **каятин** зависели от лунного календаря. Эти наши предположения основаны на том,

что языческие представления о ритуале покаяния впитала в себя и сохранила в отдельных фрагментах бытовая обрядность последней, Страстной седмицы Великого поста. Дни Страстной недели, в особенности её четверг, именуются **чистыми**, и именно чистый четверг у русских считается днём обновления всего крестьянского хозяйства на предстоящий год. По поверьям, в этот день в полночь приходит на землю настоящая весна, тогда же годовалым детям первый раз в жизни подстригают волосы, а каждый, кто утром в чистый четверг легко и рано встал, будет вставать легко весь год. В чистый четверг сохраняется в русском народе множество водных и огненных ритуалов очищения, которые, как мы полагаем, восходят к обряду ежегодных языческих **каятин**.

Водные ритуалы проводились и ради жертвоприношения, и ради очищения. Рыболовные артели в России ещё в XIX веке именно в чистый четверг топили в реке старую лошадь, задабривая водяного. В тот же день, в четверг, в крестьянских семьях большуха обязана была опустить в колодец или в толь-ко что вынутое из него ведро воды серебряную монету – древний выкуп здоровья, чистоты и прибыли в доме. Водный ритуал совершался также с целью омовения, очищения от всего дурного, исцеления от болезней. В народе полагали, что каждый, кто искупался в этот день как можно раньше, “прежде ворона”, будет здоров. Это поверье в виде требования вымыться в чистый четверг перед празднованием Светлого Христова Воскресения и убрать дом живо по сей день в каждой христианской семье. Девки с бабами для красоты и долголетия ходили в чистый четверг окачиваться под куриной насестью, девушки спешили умыться в чистый четверг, *пока ворона не закаркала*, чтобы “любили добрые люди”.

Огненные ритуалы, сохранённые в обрядах чистого четверга, не в меньшей степени свидетельствуют о некогда существовавших у славян языческих каятинах. Здесь просматриваются осколки обряда жертвоприношения или принесения выкупа – цены за грехи людей. Именно с этим связана вера в языческие “четверговую соль” и “четверговую свечу”. Четверговой солью называют соль, которую калят с квасной гущей только в чистый четверг, она считается целебной и применяется при снятии призоров и колдовства. Соль и квасная гуща (хлебная закваска) – ритуальные **хлеб да соль**, приносимые когда-то язычниками своим божествам как жертвоприношение, как выкуп за совершённое в течение года зло. Остатки сожжённой жертвы – “четверговая соль” – сохранялись как благословение языческих божеств на весь грядущий год. Такова же роль “четверговой свечи”, в образе которой совместились языческие и христианские представления о жертвоприношении. Свеча, поставленная в православном храме как образ молитвы к Богу и символ покаяния, в народном представлении сохранила значение оберега от бед и болезней, которую присваивали, по всей видимости, остаткам жертвоприношений в языческом ритуале каятин, приуроченных после принятия христианства к чистому четвергу Великого поста. Свечу от четверговой всенощной давали в руки больным или мучающимся родильницам, четверговыми свечами выжигали кресты на потолках и притолоках для изгнания нечисти, а зажжённая четверговая свеча, согласно поверьям, предохраняла в грозу от грома и молнии, которые традиционно считались символами кары небесных сил.

В описанных здесь обрядах мы почти не находим того, что можно было бы обозначить древним термином **каязнь**, видимо, умерщвление преступников не было свойственно славянам-язычникам. В нашем языке сохранились свидетельства, что преступник обычно изгонялся, извергался из рода и семьи, но не подвергался уничтожению. Таковы слова **изгой**, **изверг** и **враг**, обозначающие людей извергнутых, изгнанных из общины и племени, лишённых помощи рода и средств к существованию. Следы обряда изгнания – казнь преступников в русской общине – сохранялись вплоть до XIX века.

Согласно поверьям, парни и девушки в чистый четверг с зажжёнными лучинами, с метлами и кнутами скакали на лошадях по улицам с шумом и гиканьем, чтобы отвадить от селения **нечисть**, потом в полях ставили две жерди и строили вокруг них тесную изгородь, чтобы нечисть сквозь изгородь не прошла. Мы полагаем, что слово **нечисть** в древности обозначало тех, кто не прошёл обряд покаяния, не очистился от грехов. Осуждённые на **каязнь** обществом и изгнанные из семьи, рода и племени – они-то и ходили **неприка-янными**. Их **охаивали** – так изменилось в огласовке слово **окаять** – ругали и проклинали.

Таковы, на наш взгляд, остатки древнего языческого обряда покаяния, имевшего, по-видимому, ритуальное название **каятины**. Обряд этот после принятия славянами христианства стал вытесняться христианским Таинством покаяния, которое состоит в том, что “христианин, искренно и сердечно раскаиваясь в своих грехах и намереваясь исправить свою жизнь, с верою во Христа и надеждою на его милости, излагает устно свои грехи перед священником, который также устно разрешает ему его грехи. При видимом изъявлении прощения священником, кающийся невидимо разрешается самим Христом и снова становится невинным и освящённым, как после крещения”.

Языческое покаяние у славян естественно сменилось христианским взглядом на очищение от зла и греха, в результате слова, связанные с покаянием, приняли на себя новые богословско-христианские смыслы. Но в архетипах нашего мышления стойко сохраняется представление о том, что покаяния на исповеди мало для очищения человека от тяжких грехов. Мысль о расплате за большое зло всегда присутствует в русской душе. Эта расплата или искупление вины в нашем представлении если не совершается добровольно исправлением совершенного зла, то приходит через судьбу, исконно понимаемую как суд Бога.

Психологический склад русского человека, обязанного искупать свои прегрешения, часто оборачивается надрывным самобичеванием: “Сам виноват!” Мы, в отличие от евреев, не склонны перекладывать свою вину на других. Но в противоположность западноевропейцам, доведшим языческую идею выкупа грехов до формальных индульгенций, соединяем древнюю традицию искупления вины с духовной исповедью, что породило русское **христианское понятие покаяния** – исправление совершенного зла волей и силами самого виновного.

Языческие обряды в русском христианстве

Принято считать, что языческие обряды на Руси были жестоко уничтожены христианской церковью. Это не так. Купальские и масленичные игрища, святочные и троицкие народные празднества, сохранившие языческую древность, сожжение соломенных чучел Масленицы, прыжки через огонь на Ивана Купала, хождение ряжеными на святочной неделе по домам и колядование сохранились на Руси почти в нетронутом виде. Причём христианские великие праздники соединились с языческими ритуальными игрищами, которые не имели ничего общего с богословием Православия, а были терпимы Церковью и сохранялись как милые русскому сердцу забавы и развлечения. В то же время многие языческие ритуалы вошли в официальную христианскую обрядность.

Сакральные обязанности волхвов взяли на себя христианские священники, обращавшиеся к Богу с молебнами об урожае, дожде и прекращении засухи, об исцелении болящих и помощи бедствующим. К ним же перешли и ритуалы освящения дома и хлеба, скотины и полученного урожая. О последнем свидетельствуют три августовских Спаса: медовый, яблочный и хлебный, когда в церковь приносится для освящения часть собранного мёда, яблок, мука и хлеб. По сути, это чисто языческое благодарение Бога. Три Спаса в церковном календаре отмечают разные события церковной истории: в Спас медовый – 14 августа – празднуют изнесение Животворящего Креста Господня, в Спас яблочный – 19 августа – величается Преображение Господа Иисуса Христа на горе Фавор, а 29 августа, в Спас хлебный и ореховый, поминается перенесение в Константинополь нерукотворного образа Господа Иисуса Христа. Но в народной памяти эти дни соединяются с жертвоприношением плодов земных Всемилостивому Богу за его помощь и покровительство в земледелии – истинно языческий ритуал. К языческой традиции восходит и украшение христианских храмов елями на Рождество и берёзами на Троицу. Отголоскам древних культов поклонения природе и древу жизни радуются равно сердца христиан и язычников. Причём мы с детских лет привыкаем смотреть на убранство деревьев в эти праздники как на священнодействие и, будучи взрослыми, ждём чуда и воспитываем в этой прекрасной традиции своих детей.

В христианские обряды вошли и языческие ритуалы погребения покойных. Языческое причитание заменилось отпеванием, но *плаканье* сохранилось в народной среде практически повсеместно. Христианская церковь уза-

конила и **тризну** — языческую обрядовую поминальную трапезу, на которой для покойного ставились чаша с водой и поминальный блин, заменённые в новое время рюмкой водки, накрытой краюшкой хлеба. Церковь сохранила обычай выноса тела вперёд ногами, чтобы, по поверьям язычников, покойный заметал свой след волосами и дух его не мог потом найти дорогу назад. Для этой же, языческой по сути, цели родные покойного должны бросать комья земли в могилу на гроб — как окончательное, без возврата, прощание с ним. Даже завешивание зеркал в доме, чтобы дух покойного не зацепился за своё отражение, — это сохранённый донныне языческий обычай, с которым никто из христианских миссионеров и не думал бороться.

В современном свадебном ритуале присутствуют языческие обычаи осыпания молодых хмелем и деньгами и хождение жениха и невесты по расстеленному полотенцу — символической дороге жизни. До сих пор на русском свадебном пиру молодые сажают на вывернутую мехом наружу медвежью шубу для богатой и обильной жизни, а это — остаток древней веры славян в покровительство языческого тотема — медведя. Вкушение молодыми ритуальных хлеба-соли, подносимых старшим в роду, — тоже наследие язычества. Христианское в свадебном обряде — только венчание. Языческая народная традиция беспрепятственно бытовала и по сию пору сохраняется в среде русских христиан и составляет красивейшую часть свадьбы.

В христианской обрядности обрели своё место языческие культы огня и воды, древняя вера в их очищающую силу. Культ огня вошёл в церковные ритуалы в виде обычая возжигания свечей и лампад, освящающих всякое действие христиан в храмах и предохраняющих от нечистой силы. Культ воды преобразился в христианские ритуалы водосвятия, паломничества к святым источникам, лечения святой водой.

Празднования святым соединились с днями особого поклонения языческим богам. Так, день Ивана Купала (Купало — это не языческое божество, как сегодня нас убеждают, а буквальный славянский перевод греческого наименования Иоанна Крестителя) совпал с ритуалом очищения огнём в честь солнечного божества Дажьбога. Празднования громовику Перуну преобразились в день Святого Ильи Пророка, по убеждению народному ездившему на колеснице по небу и пускавшему громы и молнии. Христианское почитание святых икон удивительным образом заместило собой обычай поклонения языческим божествам. Культ богинь-рожаниц заместился поклонением Богородице, молитвами которой обеспечивался благополучный исход родов, к Матери Божьей обращались также с просьбой о даровании урожая и приплода скота. Многочисленность чудотворных богородичных икон, которым поклоняются на Руси, архетипически заместила собой сонмище рожаниц, бывших, по представлениям русичей, покровительницами материнства и жизненного изобилия. Именно этим, на наш взгляд, объясняется необъяснимый с точки зрения рационализма факт разнообразного почитания различных типов икон Богородицы — Иверской, Державной, Владимирской, Фёдоровской, Толгской, Казанской, Троиручицы, Утоли моя печали, Всецарицы, Всех скорбящих радости и множества других, к каждой из которых христиане обращаются с особыми прошениями: исцелить от слепоты — к Казанской, помочь в родах — к Фёдоровской, спасти от рака — к Всецарице... Божия Мать представляла в различных спасительных образах и тем самым являла зримое всемогущество, укрепляемое священной полуязыческой верой русского народа в чудо и помощь Божию по молитвам Богородицы.

Языческое поклонение сезонным переменам природы было включено в христианский народный календарь, где уже христианские святые, а не языческие божества покровительствовали хозяйственным делам и урожаю, где они же становились наблюдателями за доброй и худой для урожая и скота погодой. *Именинами* лошадей считался день святых Фрола и Лавра, скот освящался в день Святого Власия, которого прозывали “скотий бог” — за ним таятся отголоски культа языческого божества Волоса. Домашняя птица освящалась на Благовещение, а пчёлы — в день святых Зосимы и Савватия. Освящение деревьев было приурочено к Великому посту — вербосвятие. За иными святыми закрепились погодные приметы: Василий-капельник — 13 марта, Авдотья-замочи подол — 14 марта, Федул-ветреник — 18 апреля, Спиридон-солнцеворот — 25 декабря. Со святыми связывали дни сельскохозяйственных работ: Семён-ранопашец — 10 мая, Фёдор-житник — 29 мая, Федот-овся-

ник – 31 мая, Фалалей-огуречник – 2 июня, Акулина-гречишница – 26 июня...

Великую мудрость проявили христианские вероучители, не отталкивая от церкви всё, что было близко-дорого и привычно народу, в жизнь которого входила новая религия. В русском народе остались жить такие факты язычества, как вера в приметы, стремление отчураться: “Чур меня!” – или ограться от глаза и нечистой силы: “Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить”, – и привычное нам “постучим по дереву”...

О том, как преобразились языческие обрядовые названия в христианской культуре, могут свидетельствовать слова **чаровать** и **молить**. Слово **чаровать** выдаёт свой исходный смысл корнем, восходящим к **чаре**. Древние скульптурные изваяния, находимые археологами в курганах и могильниках, в языческих городищах и на капищах, часто имеют облик женщины, сидящей над чарой – чашкой. Наговор на воду до сих пор является живой практикой колдовства. Ритуал языческого священнодействия с водой, по-видимому, именовался словом **чаровать** – священнодействовать над чарой. Этот смысл слова в осколках сохранился в языке, обозначая действие сверхъестественных сил, применяемых чародеем для воздействия на других людей.

Совсем иначе сложилась судьба слов **молить** и **молитва**. Согласно словарю русских народных говоров, **молить** значит “резать, убивать, приносить в жертву”, а слова **молина**, **моленник** обозначают ритуальные кушанья, пироги: они пеклись на святые праздники, и над ними читались молитвы. В свадебных обрядах **моленник** – это пшеничный хлеб с украшениями, которым благословляли новобрачных. **Молить** в русских народных говорах означало “устраивать совместную обрядовую трапезу”: молить кашу, молить пасху, молить корову. **Молитвой** именовалась поминальная пища: кутья, печёный ягнёнок на домашнем празднике в честь святого покровителя. По всей вероятности, у слов с корнем **мол-** – **молить** и **молоть** – изначально был общий смысл *разделять, измельчать* – это слова одного исконного корня. Значит, **молитва** – это нечто, **отделённое от целого** – урожая, приплода скота – ради жертвы божествам при совершении обрядовых действий в языческие времена. По-видимому, и существование у слова **молить** значения *убивать, резать жертвенное животное* является наследием язычества.

Так что у современных христианских слов **молить**, **молитва** прежде существовало древнее исходное значение – языческое жертвоприношение. Затем и слова, произносимые при жертвоприношении и обращённые к божествам, тоже стали именоваться глаголом **молить**. Именно в этом смысле слово перешло к христианам для именованя богообщения, для произнесения христианской молитвы, в которой отсутствовали всякие следы древних языческих жертвоприношений. Вот такая получается цепочка: сначала **молить** – это отделять нечто от своих богатств для жертвы языческому божеству, затем – ритуальные действия, связанные с подобным жертвоприношением, и, наконец, **молитва** – это слова, обращённые к божеству при совершении жертвы. Таков окончательный смысл слова **молитва**. Молитва вошла в христианский богослужебный чин как особое название богообщения.

Соединение славянской языческой картины мира с христианским мировоззрением породило удивительное явление, именуемое **Русским Православием**. Своеобразие русского православного взгляда на мир, в отличие от других христианских культур, составляют совестливость и душевность, вера в благой промысел судьбы и отсутствие страха смерти, истовое поклонение святыням и терпеливое ожидание чуда, спрос за прегрешения с самих себя и готовность покаянно искупить содеянное зло. И главное, чем восхищает иные народы Русское Православие, – радостная устремленность к Богу, созерцаемому русскими как Источник света, истины и любви, а не как грозного Судью и Отмстителя. Всё это дал нам сплав смыслов нашего родного наречия, хранящего языческую древность в своих корнях, и христианских догматов, что на протяжении тысячи минувших лет были усвоены русским народом из богослужений и Евангелия.